

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор
Кафедра алтаистики и китаеведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
dmitrymartynov80@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ УТОПИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к проблеме существования утопии в Китае. Оживление интереса к этой проблематике наблюдается с начала 2000-х годов в связи с декларацией построения гармоничного общества в КНР. Теоретические подходы отличаются разнообразием, начиная с отрицания существования автохтонной традиции утопии в китайской культуре. В общем, в проанализированной литературе, проблема существования утопии в Китае рассматривается с позиций универсальности утопизма как социального явления. Основных подходов два: литературоведческий и политологический. Базовым утопическим учением Китая признаётся конфуцианство, дополненное с конца XIX века современными западными учениями, прежде всего, социализмом и коммунизмом.

Ключевые слова и фразы: Утопия, китайская культура, синология, конфуцианство, Кан Ювэй, Хун Сюцюань, Сунь Ятсен, Мао Цзэдун.

Martynov Dmitry Evgenyevich, Dr. Sci., Professor
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan (Volga region) Federal University
dmitrymartynov80@mail.ru

CHINESE UTOPIA IN MODERN WEST HISTORIOGRAPHY

Annotation. The article examines the main approaches to the problem of the existence of utopia in China. The revival of interest in this problem has been observed since the beginning of the 2000s in connection with the declaration of building a harmonious society in the PRC. Theoretical approaches differ in variety, beginning with the denial of the existence of the autochthonous tradition of utopia in Chinese culture. In general, in the analyzed literature, the problem of the existence of utopia in China is viewed from the standpoint of the universality of utopianism as a social phenomenon. There are two basic approaches: literary and political science. The basic utopian doctrine of China is Confucianism, supplemented since the late 19th century by modern Western doctrines, above all, by socialism and communism.

Key words and phrases: Utopia, Chinese culture, Chinese studies, Confucianism, Kang Youwei, Hung Xiuquan, Sun Yat-sen, Mao Zedong.

Формулирование предыдущим Председателем КНР Ху Цзиньтао идеологии «Гармоничного общества» в очередной раз заставило западное экспертное сообщество обратиться к истокам данной концепции. Как следствие, это не могло не сказаться на перспективах исследования утопической мысли в Китае, причём в этой области синологами было сделано, в общем, немало. Между тем, с точки зрения методологии, проблема выглядит, говоря без обиняков, печально. Связано это, как нам представляется, с двумя факторами: во-первых, падение СССР и социалистического лагеря породили в среде западных интеллектуалов понятие «конца истории», понимаемого как окончательная и безальтернативная победа либерального капитализма. Соответственно, и утопические

ценности, однозначно ассоциируясь с социальными экспериментами XX в., в первую очередь, социалистическими, признаются лишёнными всякой ценности. Даже весьма авторитетный в США левый социолог и литературовед Ф. Джеймисон разделял скептицизм в отношении ценности утопии и утопизма¹. С другой стороны, он же утверждал, что утопизм является единственной существующей в современном мире антитезой мировому капитализму. В этом плане утопическая литература исполняет важнейшую критическую функцию [5]. Подобного рода построения способствуют «оправданию утопии» (термин И.В. Фроловой) и, отчасти, реабилитируют интеллектуалов, занятых её исследованием. По мнению П. Фитинга, в западных литературах (включая США, Австралию, Канаду) утопический жанр окончательно прекратил существование в 1970-е гг. [1, p. 151].

Это выводит нас ко второму аспекту проблемы, который, вдобавок, сильно «отягощена» политической корректностью. В условиях глобализации и «моды» на борьбу с европоцентризмом, общественные науки не могли не заняться поисками утопических моделей в неевропейских культурах. В статье Жаклин Даттон для «Кембриджского руководства по утопической литературе» (2010 г.) констатируется, что «незападная» (non-Western) традиция утопизма коренится в настолько различных традициях и мировоззрениях, что может служить лишь для расширения границ его возможностей. То есть исследование незападного утопизма сводится к систематическому поиску сопоставимых с западными представлений об идеальном обществе, существующих в культурах Азии, Африки, Америки и Океании [1, p. 225].

В этой ситуации не могла не возникнуть дискуссия о существовании утопии и утопизма в китайской культуре [10, с. 4–22]. Естественно, что до её завершения весьма и весьма далеко, поскольку о выдерживании чистой академической дискуссии в условиях противостояния США и Китая не может идти и речи. Однако специалисты по западной утопии (и прежде всего, автор авторитетнейшей «Утопической мысли в западном мире» Фрэнк Мэньюэл) почти единогласно заявляют, что утопический жанр как таковой впервые возник именно на Западе. В то же время уже цитировавшаяся Ж. Даттон отмечала, что китайская культура в силу её древности, автохтонности и огромного объёма априори заставляет предположить, что только в Китае и можно найти сопоставимую по масштабу утопическую традицию [1, p. 227]. При этом дискуссия началась, собственно, ещё в начале 1990-х гг. и продолжилась далее, причём в основном до 2000-х гг. синологи почти не принимали в ней участия или их труды специалистами по литературе не были услышаны. При этом ещё в 1987 г. все основные направления дискуссии уже были предварены сотрудниками Отдела Китая Института востоковедения тогдашней АН СССР. Известный специалист по идеологиям традиционного Китая А.С. Мартынов не оспаривал факта существования утопии в китайской культуре, но констатировал глубокое несходство китайского утопизма с европейским. Утопизм он признавал имманентно присущим общественному сознанию от времени его зарождения. В Китае по своим фундаментальным предпосылкам утопическим является конфуцианство [9, с. 10-11]. «Если использовать классификацию Л. Мамфорда с противопоставлением “бегства” и “реконструкции”, то конфуцианские утопии периода древности, несомненно, следует отнести к утопиям “реконструкции”, хотя и с ярко выраженной ретроспективной ориентацией» [9, с. 12]. А.И. Кобзев (чьё позицию мы всецело разделяем), напротив, заявил, что в рамках конфуцианства так и не было создано «полноценных» социально-утопических произведений, поскольку отсутствовали альтернативные модели социального пространства, представленные религиозными учениями; кроме того, в конфуцианской картине мира социум и природа не отделены друг от друга [9, с. 58].

¹ Несмотря на то, что в отечественной литературе возобладало терминологическое разделение «утопии» и «утопизма» (перекочевавшее из социальной философии: утопия – идеал, утопизм – тип сознания), мы последовательно пользуемся коннотациями, используемыми в англоязычной литературе. В этом смысле утопия – суть любой умозрительный проект идеального общества, а утопизм – попытки его реализации на практике [1, p. 5–6].

Соответственно, время создания замечательного сборника «Китайские социальные утопии» и традиционно пренебрежительное достижение к нашим интеллектуальным достижениям на Западе, привели к тому, что специалисты Великобритании, США, Франции и Германии в те же годы начали дискуссию с тех же исходных рубежей. Крайнюю позицию при этом занял Ролан Шер¹, категорически заявив, что в самом строгом смысле этого слова утопия возникла в Европе XVI в., и история утопии как феномена с необходимостью ведёт своё начало от творения Т. Мора [1, р. 228]. Профессор Университета Кента (Великобритания) Кришан Кумар также полагал, что утопия возникла в ренессансной Европе, а разнообразные концепции общественного идеала, созданные другими цивилизациями ранее, не должны рассматриваться как утопические [6, р. 10]. Феномен утопии не является универсальным, поскольку является следствием уникальности западного пути развития [6, р. 19]. Однако в той же книге 1991 г., К. Кумар (в примечании) неожиданно заявил, что «в Китае имеется автохтонная утопическая традиция». В качестве примеров таковой он приводит конфуцианскую концепцию Датун (大同, Великое единение) и даосскую – Тайпин (太平, Великое спокойствие) [6, р. 428, Note 29]. Профессор Гарвардского университета Чжан Лунси (張隆溪, р. 1947 г.) критиковал подход К. Кумара на том основании, что тот не являлся синологом-профессионалом, а также из-за непонимания того, что китайская общественная структура, породившая автохтонную традицию утопии, чрезвычайно отличалась от европейской. Конфуцианство Чжан Лунси рассматривал как утопическую идеологию, и сравнивал с «Утопией» Т. Мора [8, 177-178].

Профессор политологии Далтонского колледжа (Джорджия, США) Го Баоган² в 2003 г. опубликовал статью [3а], в которой попытался выделить в китайской политической культуре «утопии реконструкции» (в терминологии Л. Мамфорда). В основу своей методологии Го Баоган положил феноменологический подход, в частности, попытку хронологического сопоставления несвязанных генетически феноменов; в частности, древнего конфуцианства и платонизма. При этом автор пришёл к выводу, что только в XIX в. альтернативные социально-политические проекты Китая вышли за пределы древних конфуцианских канонов, особенно *Ли-цзи*. В лапидарном введении к своей статье Го Баоган поднял чрезвычайно важную тему, до него совершенно незатронутую современной синологией: *только после «прививки» христианства на китайскую почву, после начала насильственной и форсированной модернизации китайского общества, можно говорить о возникновении утопизма в Китае*. Неслучаен подбор персоналий, учения которых анализирует американский исследователь: «утопия реконструкции» начинается у него от Хун Сюцюаня (洪秀全, 1814–1864) – вождя восстания тайпинов, а далее рассматриваются проекты Кан Ювзя (康有为, 1858–1927), Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна. В учениях столь непохожих мыслителей и практиков Го Баоган установил три генеральных черты сходства: во-первых, целью деятельности всех перечисленных мыслителей является установление в Китае и в мире состояния Датун, которое признаётся и конечной точкой исторического развития. Во-вторых, все перечисленные разделяют конфуцианские представления о единстве государства и общества, их гомогенности. В-третьих, основой для созидания мира справедливости и равенства является отмена частной собственности и замена её государственной. Провал реализации данных проектов сугубо в либеральном духе объясняется несоответствием этих доктрин действительным потребностям модернизации китайского общества [3а].

¹ Roland Schaer (р. 1947) – французский философ. Бывший директор Французского института в Гааге, директор отдела культуры Французской национальной библиотеки и Музея Орсе. В 2000 г. совместно с Г. Клэйсом и Л. Сарджентом (главой Общества изучения утопии) организовывал совместную выставку Национальной библиотеки Франции и Нью-Йоркской публичной библиотеке «Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World» с выпуском одноимённого сборника.

² Окончил университет Чжэнчжоу, в 1988 г. переехал в США и в 1994 г. получил степень в частном Брандейском университете (Массачусетс). В 2008–2010 гг. являлся президентом Ассоциации политических исследований Китая.

В 2009 г. была опубликована монография Хуа Шипина (Университет Луисвилла)¹ [4], которая обратила на себя внимание Го Баогана [3] и Вирен Мёрти [7]. Хуа Шипин исходил из того, что утопизм – есть форма исторического идеализма, существовавшего на всём протяжении человеческой истории [4, р. 10-13]. При этом функцию социальной критики, заложенную в утопизме, могут использовать реформаторы и на Востоке, и на Западе, однако в силу того, что утопические проекты идеалистичны и нереализуемы, реформаторы, вдохновлявшиеся ими, кончали плохо [3, р. 149]. Тем не менее, принципиальная позиция Хуа Шипина заключалась в определении хронологических рамок: отсчёт китайского политического утопизма он начинал от Кан Ювэя и его движения за реформы 1898 г. С точки зрения Хуа Шипина, китайские утопии (создателями которых были и Мао Цзэдун, и Дэн Сяопин) – «были реализованы как ответы правящих элит на структурные вызовы, однако направление реформ сильно зависело от культуры и традиции» [4, р. XIII]. Однако автор этим не ограничился: доказывая обусловленность политических проектов культурными детерминантами, он обосновал применение «контрастно-ориентированного компаративного кейсового исследования» [4, р. 4], и решительно взялся сопоставлять Японию эпохи Мэйдзи, Китай времени Кан Ювэя и Мао, а также СССР эпохи НЭПа (1921 – 1929) и Оттепели (1953 – 1964). Замах, прямо скажем, чрезмерный для небольшой книги. В методологической главе обосновываются три пары сравнений, причём в одну пару угодили НЭПовские реформы и многочисленные инициативы Н.С. Хрущёва. Впрочем, в контексте данной работы нас интересует, главным образом, вторая глава, посвящённая сравнительной характеристике утопизма в культуре Китая, Японии и России. Здесь любопытны параллели с идеями Чжан Лунси, который утверждал, что религиозный фактор – один из важнейших в исследовании утопизма. Так, по Хуа Шипину, японский утопизм коренится в плюралистическом отношении к религии: «человек венчается в христианской церкви, общается с другими людьми через посредство конфуцианских принципов, поклоняется природе в духе синтоизма, и обращается с животными в соответствии с учением буддизма» [4, р. 14]. Россия при этом имеет «гораздо более слабую традицию утопизма», что усиливается «русским пессимизмом» [4, р. 15-16]. Это демонстрирует незнание автором не только русской, но и европейской литературы: обзорная монография Л. Геллера и М. Нике «Утопия в России» вышла в свет в Париже в 1995 г. (в русском переводе в 2003 г.), но даже не упомянута в библиографическом списке. Как и Чжан Лунси, А.С. Мартынов и А.И. Кобзев, китайскую традицию утопии Хуа Шипин сводил к конфуцианству и, отчасти, даосизму, в виде концепции Датун, а также даосского Увэй. Поскольку заимствованное понятие *утобан* (乌托邦) в китайском языке лишено негативных коннотаций европейской мысли, многие китайские исследователи, например, Сяо Таньянь, рассуждают об «утопическом духе», который ведёт китайскую цивилизацию к процветанию на протяжении более 3000 лет [4, р. 17]. Вполне убедительны, зато, доказательства, что творцы «Большого скачка» и «Культурной революции», например, Чэнь Бода, вдохновлялись концепцией Великого единения [4, р. 76]. Тем не менее, столь смелые заявления и анализ представлены всего на 107 страницах основного текста, что и позволило В. Мёрти сдержанно назвать книгу «смелой попыткой привнести сравнительную перспективу в сравнительно узкую колею китаеведческих исследований» [7, р. 442]. О сказанном достаточно.

В 2011 г. за полгода до кончины автора вышла в свет книга замечательного нидерландского литературоведа и сиолога Доуве Весселя Фоккемы (1931–2011) [2]. В отличие от Хуа Шипина, он демонстрировал фундаментальный подход. В частности, до 1961 г. Фоккема получил степени по нидерландской литературе и современному китайскому языку, в 1963–1964 гг. работал в Калифорнийском университете (Беркли). Примечательно, что темой его докторской диссертации, защищённой в Лейдене, было влияние советской

¹ В 1988 г. из Китая Хуа Шипин переехал в США, где в 1995 г. окончил колледж Эжерда (Флорида). В дальнейшем удаивался гранта Центра В. Вильсона Вашингтонского университета, сотрудничал с другими структурами, в том числе был приглашённым профессором Пекинского университета.

литературы на современную китайскую. В 1966–1968 гг., то есть в самый острый период «Культурной революции», он был временным поверенным в делах нидерландского посольства в Пекине. Далее вся его профессиональная жизнь была связана с университетом Утрехта, где в 1981–1996 гг. Д. Фоккема возглавлял кафедру сравнительного литературоведения. Неоднократно приглашался для чтения лекций за пределами Нидерландов: в Гарварде, Гёттингене, Принстоне, Пекинском, Сычуаньском и Гонконгском университетах, и др. В 1975–1981 гг. профессор Фоккема возглавлял Нидерландскую ассоциацию общего и сравнительного литературоведения, а в 1985–1988 гг. был президентом Международной ассоциации сравнительного литературоведения, с 1988 г. – её почётный президент. В 1987–1994 гг. возглавлял также Исследовательский институт истории и культуры Утрехтского университета. Заслуги Фоккемы были отмечены Медалью Сартона Гентского университета (Бельгия), и Орденом Оранж-Нассау Нидерландского королевства. В научном мире он снискал себе имя исследованиями исторической эволюции теории литературы на европейском и китайском материале.

Среди предшественников проф. Фоккемы следует назвать известного немецкого синоведа В. Бауэра (1930–1997)¹, который в 1971 г. опубликовал монографию «China und die Hoffnung auf Glück» (упоминаемую и Хуа Шипином [4, р. 12]). Примечательно, что Бауэр не рассматривал утопию в Китае как таковую; это произошло из-за отсутствия границ постановки проблемы. Взяв за основу «надежду на счастье», он взялся комплексно рассмотреть духовную жизнь китайской цивилизации от её возникновения до Культурной революции (причём предложил тогда весьма оригинальную трактовку заплывов Мао Цзэдуна на Янцзы).

Замысел монографии Фоккемы был весьма амбициозен. Это первая обобщающая работа, в которой профессиональный литературовед и культуролог, синолог, исследующий идеологию, рассматривает целостный комплекс утопических текстов, вне зависимости от их культурной принадлежности. Избрав литературоведческий метод, он, однако, заявляет в предисловии, что коренится утопия в антропологической стихии, утверждая, что «желание» было бы лучшим термином для её определения [2, р. 15].

На основе весьма широкого эмпирического материала автор рассмотрел четыре основные гипотезы, которые можно использовать в качестве руководящих, обращаясь к исследованию утопии:

1. Утопии создаются в кризисные моменты развития общества, когда господствующая идеология больше не в состоянии соответствовать повестке дня [2, р. 16]. Таким образом, изображение совершенного общества – в восприятии его автора – всегда представляет собою критику социальной и политической действительности, современной автору. Следовательно, утопии есть нарратив о кризисе общества, выраженный в данной литературной традиции.

2. Утопии – продукт секуляризации, к утопиям обращаются авторы, которые освободились от религиозного сознания, что в первую очередь относится к европейской литературной традиции [2, р. 19]. Это подтверждает взгляды К. Кумара, высказанные ещё в 1980-е гг. Это не означает, что утопии не могут быть религиозными, но побудительным импульсом к их созданию является желание построить рай на этой земле, здесь и сейчас, а не ожидать царства небесного [2, р. 22]. Китайская конфуцианская традиция, естественно, сильно отличалась от европейской средневековой, и породила свою модель светской культуры, совершенно отличной от западной христианской или ближневосточной мусульманской. Ни одна религия Китая не была в состоянии оспорить тотальное

¹ Wolfgang Leander Bauer – немецкий синолог, сын известного семитолога Г. Бауэра. В Мюнхенском университете изучал, помимо китайского, ещё монгольский, тибетский, маньчжурский, японский языки и санскрит. С 1953 г. – ассистент Мюнхенского ун-та, приглашался в Мичиганский, Гарвардский, Йельский, Колумбийский ун-ты, и т.д. Впервые посетил Тайвань и Японию по гранту Фонда Карнеги (1962). С 1966 г. – профессор, возглавлял факультет археологии и культурологии, несколько раз (с перерывами) избирался директором Мюнхенского института изучения Восточной Азии. Действительный член Баварской академии наук. В 1997 году награждён Федеральным крестом «За заслуги» I степени.

доминирование политической власти и, таким образом, светская культура образовала питательную среду для появления утопических идей в китайской литературе.

3. Реализованная утопия обращается в свою противоположность [2, р. 21]. Этот тезис позволяет провести весьма любопытное сравнение китайского и западного материала, причём Д. Фоккема заявляет, что логика развития утопического мышления прямо противоположна друг другу: Китай ассимилирует «прагматический материализм западного капитализма», Запад быстро релятивизирует свои экономические достижения, заимствуя категории, свойственные азиатским традициям – внимание к природной среде и внимание к нематериальным благам [2, р. 25].

4. Китайская и европейская утопии проросли из противоположных исторических предпосылок [2, р. 26]. Одна из таких точек возмущения – противостояние коллективного и индивидуального блаженства, причём в китайской утопии различие между индивидуальным и коллективным не столь ярко выражено [2, р. 27–28].

Методологически книга основана на трудах Чжана Лунси и В. Бауэра, которые доказывали существование автохтонной традиции утопизма в Китае и универсальность феномена утопии. Однако доктор Фоккема вынужден оговориться, что концепция утопии в Китае специфична, и находится как под воздействием идей об устройстве вселенной, так и специфики управления. Так, «Персиковый источник» Тао Юаньмина (365–427) признаётся аналогом «Утопии» Мора – как основополагающий для традиции текст [2, р. 24]. Вообще для методики Д. Фоккемы характерны смелые сопоставления, так, например, «Беседы и суждения» Конфуция могут рассматриваться как однопорядковый текст с «Опытами» Монтеня. 12-я глава монографии именуется «Окцидентализм: ностальгия по утопическому прошлому даёт путь идее прогресса» [2, р. 271–287]. Здесь рассмотрены взгляды представителей китайской элиты между началом вторжения западных держав в Китай в 1840-е годы до «Движения 4 мая 1919 г.» и японо-китайской войны. Особое место занимают в изложении Д. Фоккема Тайпинское восстание (1848–1864) и деятельность Кан Ювэя. Особенностью тайпинской идеологии признаётся «курьёзный» синтез христианства с конфуцианством, отринувший, однако, конфуцианскую иерархию между старшими и младшими; описание ее дается по В. Бауэру [2, р. 273]. Несколько подробнее дано описание деятельности Кан Ювэя, который характеризуется как «Мартин Лютер конфуцианства» [2, р. 276]. Его важнейшей заслугой провозглашается то, что благодаря работам Кан Ювэя, «рухнул фатализм, проистекающий из концепции истории как более или менее циклического движения от подъёма к упадку» [там же]. Рассматривая содержание «Книги о Великом единении», Д. Фоккема пишет, что «Кан Ювэй эклектически заимствует западную физику, эволюционную теорию Дарвина, марксизм и даже, по-видимому, “Государство” Платона и “Оглядываясь назад” Беллами¹, однако не даёт точных ссылок, позволяющих это подтвердить» [2, р. 278].

В заключении монографии заново подытоживаются результаты исследования. По Фоккеме, становлению жанра утопии способствует кризисное, переходное состояние культуры, эталоном которого является европейский XVI век, а впоследствии – эпоха Просвещения и Великая французская революция. Для Китая сопоставимый по масштабам кризис разразился в XIX веке: агрессия иностранных держав («Опиумные войны»), Тайпинское восстание и непоследовательные попытки реформ. Интенсификации утопического мышления способствовали политические перемены и смена культурных ориентиров [2, р. 399]. До XIX в. в Китае не было всеохватных политико-административных проектов, а китайские литераторы не пытались найти альтернативы официальной идеологии конфуцианства. Эталонотрадиционной китайской утопии является «Персиковый

¹ Утопический роман “Looking Backward” (1888) американского христианского социалиста Эдварда Беллами (1850–1898) стал одним из наиболее популярных и часто переиздаваемых произведений всей мировой литературы (к 1960 г. было продано более 1 млн. экз. только на английском языке; на русском языке выдержал, как минимум, 9 изданий). На китайский язык впервые был переведён в 1893 г., и неоднократно переиздавался.

источник»: китайские писатели стремились восстановить идеальную простоту глубокой древности. Утопические проекты нового типа появились в Китае после 1890 годов благодаря Кан Ювэю, Лян Цичао, Янь Фу, и другим. В этот период ведущие китайские идеологи осваивали социальный дарвинизм, американский прагматизм и марксизм. В художественной литературе освоение взаимно несовместимых и конкурирующих между собой идеологий привело к появлению, в первую очередь, антиутопической сатиры. «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ явно демонстрируют как влияние Свифта, так и политическую практику Китая того времени [2, р. 404-405]. Примером классической утопии в европейском стиле являлся роман Линь Юйтана¹ «Перспектива будущего» (遠景, 1955 г.; по-английски выходил под названием *The Unexpected Island*) [2, р. 408]. Далее в силу политических перипетий развитие жанра прервалось. В условиях политики открытости и реформ в Китае 1980-х годов, антиутопическая фантастика (Ван Шо², Су Тун³) продолжала использоваться в прежних целях критики существующего режима. Китайские интеллектуалы остро ощущают разрыв с традиционным дискурсом неотчуждения человеческого общества от природы [2, р. 405-406]. Фоккема утверждал, что во второй половине XX века «эвтопической» литературы в Китае не выпускалось вовсе [там же]. Тем не менее, ссылаясь на Ж.М. Леклезю, Д. Фоккема заявил, что современная эпоха как нельзя более подходит для написания утопий, которые могут послужить своего рода «маяками в тумане» [2, р. 410].

Подведём итоги. В современной общественной мысли, в том числе самого Китая, вопрос о существовании автохтонной утопической традиции в китайской культуре, бесконечно далек от разрешения. Более того, сложившаяся коллизия несколько напоминает ситуацию в российской культуре XVIII в.: по всем канонам классицизма высокоразвитая автохтонная культура с собственным языком и самобытной литературой, должна была пройти определённые этапы. В рамках этих этапов требовалось наличие национального эпоса, отсюда – гекзаметрические эксперименты В.К. Третьяковского, и грандиозные поэмы М.М. Хераскова и его эпигонов. Однако это не отменяло отсутствие такого эпоса в автохтонной традиции, и в результате получилась коллизия со «Словом от полку Игореве», которое с одинаковой вероятностью может являться примером конструирования такого эпоса (в XX в. несомненно параллель с пресловутой «Велесовой книгой»), равно как и единственным аутентичным примером уникального жанра. С нашей точки зрения, утопия – и как литературный жанр, и как социально-политическое проектирование, возникает в Новое время, с изменением человеческого восприятия истории. При этом (как справедливо отмечал А.И. Кобзев), это и не могло произойти нигде за пределами Европы, где перед глазами любого мыслителя стоял образ альтернативной социальной структуры, которая всегда претендовала на обладание высшим аксиологическим статусом и трансцендентной сущностью, то есть образ церкви как мистического Тела Христова или Града Божия. В китайской культуре с её монизмом, холизмом и имманентизмом, подобные концепции могли появиться только в результате интродукции. Не случайно, что во всех рассмотренных выше работах, попытки сопоставления китайских интеллектуальных конструктов, интерпретируемых как утопические, с эталонными европейскими («Утопией» Т. Мора), выглядят малоубедительными. В изданной на сегодняшний момент литературе по данному вопросу, представлены два генеральных методологических подхода: политологический и литературоведческий. Последовательное применение второго, представленное не только у Д. Фоккемы, но и, например, Д. Ко, приводит к констатации того, что литературные тропы

¹ 林语堂 (1895–1976) – китайский писатель и общественный деятель. Главной темой его работ было сопоставление китайской и западной цивилизаций. На Западе (преимущественно, США и Франции) жил в 1918–1923, 1939–1966 гг. С 1966 г. жил на Тайване и в Гонконге. Номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

² 王朔 (р. 1958) – китайский режиссёр, сценарист, именитый писатель. Начинал как авангардист, весьма оппозиционно настроенный не только к власти, но и к коллегам по писательскому цеху и интеллигенции вообще.

³ 苏童 (р. 1963) – один из наиболее известных современных китайских писателей. По его повести «Жёны и наложницы» Чжан Имоу поставил фильм «Зажги красный фонарь».

европейской утопии и текстов, которые считаются утопическими для Китая, едва ли не полностью противоположны.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Cambridge Companion to Utopian Literature / Ed. by G. Claeys. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 316 p. – (Cambridge Companions to Literature).
2. Fokkema D. Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. – 448 p.
3. Guo Baogang. Reviewed Work: Chinese Utopianism. A Comparative Study of Reformist Thought with Japan and Russia, 1898-1997 by Shiping Hua // International Review of Social History. – 2011. – Vol. 56, No. 1. – P. 149-152.
- 3a. Guo Baogang. Utopias of Reconstruction: Chinese Utopianism from Hong Xiuquan to Mao Zedong [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15339114.2003.9678381> (Дата обращения: 06.04.2018)
4. Hua Shiping. Chinese Utopianism. A Comparative Study of Reformist Thought with Japan and Russia, 1898–1997. – Stanford [etc.]: Stanford University Press, 2009. – xvi, 186 p.
5. Jameson F. Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. – L., N.Y.: Verso, 2005. – 431 p.
6. Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. – L.: Blackwell Pub, 1991. – 512 p.
7. Murthy V. Reviewed Work: Chinese Utopianism. A Comparative Study of Reformist Thought with Japan and Russia, 1898-1997 by Shiping Hua // China Review International. – 2010. – Vol. 17, No. 4. – P. 439-442.
8. Zhang Longxi. The Utopian Vision East and West // Allegoresis: Reading Canonical Literature East and West. – Ithaca, L.: Cornell University Press, 2005. – P. 165-213.
9. Китайские социальные утопии: Сб. ст. / Отв. ред. Л.П. Делюсин, Л.Н. Борох. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – 312 с.
10. Мартынов Д.Е. Идея Великого единения (Да тун) в истории китайской общественной мысли рубежа XIX – XX вв. и Кан Ю-вэй / Д.Е. Мартынов, Г.Г. Зайнуллин. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. – 347 с.

УДК 323.2:94(516)

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна, канд. ист. наук, доцент

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

juliemartynova82@gmail.com

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В ОАЗИСЕ ЛОГУЧЕН (ЛЮЧЖУН) ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ Н.Ф. КАТАНОВА 1891 Г.

Аннотация. На материалах неопубликованного дневника Н.Ф. Катанова проанализирована система местного управления оазисом Лючжун, наследственный правитель которого носил титул *цзюнь-ван*.

Ключевые слова и фразы: Синьцзян, востоковедение, Н.Ф. Катанов.